

A Don Oleg Ostrovskij
Amigo, poeta y Traductor

Con rigor por los símbolos
así es la poesía de Rusia, nada
hay del corazón o la intuición que los
poetas rusos no vuelvan mágica balada.

Lo fugaz el poeta lo hace inmortal,
una frase donde queda siempre
la primavera que renace en Riazán;
vino a Bogotá un acida que tiene

con suma maestría este arte,
cada palabra la ve con un cristal,
la pule con su alma de otra parte,
Don Oleg sabe que una frase es lugar.

Uno se siente como en casa si
la cadencia, la metáfora es apropiada;
Oleg, Señor de la palabra, con tacto así
nos da la eterna Rusia de palabra encantada.

Rubén Darío Flórez
Bogotá, XII, 2, 2011

Рубен Дарио Флорес — колумбийский
литератор, профессор. Переводчик поэзии
А. С. Пушкина. В период с 2012 по 2017 годы
работал советником-посланником Посольства
Колумбии в Российской Федерации. Награждён
российским Орденом Дружбы Народов.

Содержание

Аргентина	7
Эзекиель Мартинес Эстрада (1895–1970)	8
Орасио Рега Молина (1899–1957)	9
Хосе Педрони (1899–1968)	11
Карлос Мастронарди (1900–1976)	14
Мексика	21
Хайме Торрес Бодет (1902–1974).	22
Испания	27
Густаво Адольфо Беккер (1836–1870).	28
Панама	41
Берталисия Перальта (1940–1981)	42
Педро Корреа Васкес (1955–1996)	46
Гондурас	47
Хуан Рамон Молина (1875–1908).	48
Сальвадор	57
Калисто Веладо (1857–1927)	58
Наполеон Лара (1861–1914).	67
Альберто Герра Тригерос (1898–1950)	76

Куба	79
Николас Гильен (1904–1989)	80
Луис Суардинас (1937–2020)	88
Альдо Менендес (1918–1995)	91
Рафаэла Чакон Нарди (1926–2001)	93
Лина де Ферия (р. 1945)	94
Чили	99
Фернандо Алегриа	100
Рауль Сильва-Касерес	102
Анонимное.	104
Гонсало Мильян.	105
Серхио Масиас	106
Никарагуа	109
Эрнесто Карденаль (1925–2020)	110
Из моих стихов на испанском	123

Аргентина

Из сборника «Поэзия Аргентины»

М.: Художественная литература, 1987 год

Эзекиель Мартинес Эстрада (1895–1970)

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ЛЕОПАРДИ

Я гляжу на ночное небо
перевёрнутым как бы взглядом;
удалённость от звёзд прищурых
исчисляю земными веками.

Вековечно они мерцают,
словно ощупью бурят темень.
Из потёмок ко мне зывают —
несть числа им под чёрной сенью.

Светят звёзды, слепые, как небыль,
те, что канули, вышли, угасли,
но все светят для нас доселе.
Светят звёзды, начавшие только
круговерть беспокойной жизни;
светят дряхлые деды-светила,
мудрость ясную излучая.

Я судьбою единою связан
с этим светом извечных тщаний.
Космос скорбью моею пронизан,
той, что я своей величаю.

Орасио Рега Молина (1899–1957)

ДЕТСТВО

Мне детство в память въелось до печёнок,
не отогнать печальную картину:
окно, сквозь битых стёкол паутину
глядит с тоской заплаканный ребёнок.

В пять лет я отыскал себе подружку,
вернее, присмотрел её в киоске:
фарфоровая девочка в матроске
звала меня на свой корабль-игрушку.

Проходит всё, но с точностью офсета
под пылью лет неизбежно хранится
виденье детства, строгое, как лица
с пожухлого семейного портрета.

Я помню спальню, мрачный шкаф у входа,
что сам порой со скрипом открывался, —
а в нём мундир на вешалке качался
марионеткой злого кукловода.

О детство, детство... клетка зоопарка,
мечта без крыльев, птица без простора,
рождественская ёлка, под которой
нет для меня заветного подарка.

Однажды, помню, я один остался
в притихшем доме. Вечер был янтарный...
Я дверь открыл, и цирка звон фанфарный
обидой горькой в сердце отозвался.

А кукла-клоун с галстуком огромным
дразнилась нагло, строила мне рожи;
я клял слезу-изменницу... о боже...
Каким мне мир казался вероломным!

Ни разу на коне игреней масти
в мой детский сон не прискакал волшебник
и не открыл мне жизненный учебник
зачитанных страниц урока счастья.

ОСЕНЬ

Тонкие струйки из белой кудели
шлёпают тихо по глади озёрной,
в дымке сквозистой плывут акварели...

Ветер по жёлтому парку кружится,
катит листву по аллее просторной,
словно котёнок, гоняющий птицу.

Хосе Педрони (1899–1968)

ВОДА

Не зная срама и стыда,
небесной чистотой сверкая
упругих форм своих, нагая
искрится в кузнице вода.

Она в кузнечном ремесле
известна — трудится исправно.
Пускай на воле своенравна,
зато смиренна в кабале.
Всех терпеливей на земле,
она как женщина страдает,
когда в неё металл вонзает
расплавленную твердь. В золе
она, шипя, слезу скрывает,
но побеждает все равно.

Огню в её утробе холодной
жить лишь мгновение дано, —
он гибнет в схватке беспощадной,
не утолив любовный пыл...
Она бесстрашна.
Он остыл...
Но он не зря её любил:
была их встреча не напрасна.

ДЫМОК

Сушняком лаванды, листьями инжира,
хвороста охапкой, собранной в саду,
я для сдобы сладкой в старенькой печурке
жаркий и пахучий огонь разведу.

На скирде соломы мирно примостившись,
вздул зобастый голубь розовую грудь;
и бренчит беспечно у осла на шее
бубенец, взывая... так, к кому-нибудь.

Открывайте двери, распахните двери
маленького ранчо, — ведь неповторим
этот тихий вечер, этот тёплый вечер,
что разносит щедро ароматный дым.

МЕТЁЛКА

Как-то увидев зерно, что к метёлке пристало,
вспомнил жену я Бесерры, что зёрна сажала,
вспомнил и птицу льняную на небе тряпичном,
иву, метёлку... Ну ладно, не будем о личном.

Слеп был Бесерра. Марией жену его звали.
Личико! Ножки! Однако зачем вам детали?
К ним в огород я повадился лазать в ту пору,
чтоб поглазеть на прекрасную эту сеньору.

В полдень она прохлаждалась под ивой.
Помню, на ней был передник красивый:
птица морская на белой холстине —
ну, не передник, а вызов мужчине.

Где ты сегодня, супруга Бесерры?
Где моя юность безумства химеры?
Всё это был или, может быть, бредни:
ива, Мария, метёлка, передник?..
Мне бы забыть эту чайку шальную,
рвущую крыльями бездну льняную!

Но был же Бесерра: невидящим взглядом
как он следил за Марией, за садом,
спорил о красках с большим убежденьем
и делал метёлки — на загляденье!

Хватит о прошлом, ей-богу... что толку?
Разве вернёшь их: Бесерру, метёлку?..
Вот скovyрну я с метёлки зерно
И помяну всех друзей заодно.

Карлос Мастронарди (1900-1976)

СЕЛЬСКИЙ СВЕТ

Свежестью дышат неспешные чистые воды,
нежится лето в излучистом лоне долины,
ветер медвяный резвится в лазоревых далях:
облаком белым небесные тралит глубины.

Как мне не помнить сквозистой дремоты простора,
гибких холмов, что легки и упруги как строки;
как мне не помнить томительной грусти закатов,
любующих багрянец на зеркало тихой протоки!

Чудо здесь нивы! За праведный труд человека
платит земля от щедрот плодородного чрева.
Утром морозным здесь льются хрустальные трели,
чистые звуки знакомого с детства напева.

Эхо разносит далёкого хутора гомон,
вечер густеет у самой каймы горизонта,
ветер-проказник качает могучие кроны,
клевера гриву невидимой чешет гребёнкой.

Дышат равнины извечной земной благодатью,
люди упорны в привычном труде, кропотливы:
их вечера награждают тягучей прохладой,
и небеса точно в срок отпускают им ливни.

Пажитей тучных вокруг зеленеет приволье,
синяя лента реки меж холмами петляет,
и человек своей щедрой, умелой рукою
в новые краски поля и сады убирает.

На островах обитают смиренные люди,
смотрят открыто: беззлобен их взгляд нелукавый.
Что им поместья? Они там нечастые гости.
Стойки в ненастье, осанкой стройны, величавы.

Пахнет пшеницей на голом, остриженном поле,
тонут повозки в жасмина душистых букетах:
шёлковый ветер смуглянкам вплетается в косы,
стонет гитара под страстными пальцами где-то.

Диву даёшься: какое имеют терпенье,
сколько несут в себе веры в природу и воли
те, кто в промерзлую землю вонзает свой лемех,
кто день и ночь через пампу стада свои водит.

Вот проскакали, как мумии в сёдлах, «троперос»,
облако пыли подняв над измятой дорогой.
В бурю и зной и в ненастье осенних распутиц
им повинуются полчища рати двурогой.

Осень пробьётся сквозь жёлтые ветки акаций,
в синь поднебесную выпорхнет голубь хохлатый;
вспыхнет река золотистой вечерней зарёю,
ветер томленье прервёт долгожданной прохладой.

Небо капризно, ростки молодые ранимы —
как превратить их в обильный итог урожая?
Чтит землепашец науку превратного риска,
промыслом древним добро своё умножая.

Быстро тучнеет на вольном откорме скотина,
шерстью лощёной с покровом лугов соревнуясь;
птицы срываются в пропасть бездонного неба,
словно в обиде покинув обитель земную.

Радостно видеть, как трудятся люди на поле:
в гуле моторов, в пыли, изнывая от зноя.
Светится лик их, исконною правдой омытый,
кроток их взор, примирённый с нелёгкой судьбою.

И нипочём им лукавые шутки погоды,
всё они знают о ливнях, о засухах грозных;
бережно землю лелеют, ласкают и холят, —
гнутся на поле с часов предрассветных, холодных.

Тонут селенья в садов океане зелёном,
контур домов обнимает ограды щетина,
нив золотистых беспечное буйство — упрямо
в строгих пределах содержит скупая межина.

Сиеста приходит под сень милосердных деревьев,
снова дано мне испить её зелья хмельного;
свежесть ланит своих нежные розы из сада
здешним красавицам, кажется, отдали снова.

Та же деревня: вдоль улиц канавы с крапивой
и пустыри, что бесстыже пестрят беленою;
те же заботы, и люди, и судьбы — лишь тучи,
мир обновляя, снуют под застывшей луною.

Зной тихих улиц, где бродит забытая вечность,
грустные стайки, летящие строго на запад...
Здесь каждый вечер играют, как в армии, зорю,
Здесь каждый шорох мне с детства знаком,
каждый запах.

Ветру сродни, возмутитель покоя мирского,
шумной ватагой проносится шквал босоногий
мимо аллеи, где ходят степенно селянки,
в ярком убранстве смягчается облик их строгий.

Радостью праздной приходит в село воскресенье.
Мне ль не знаком шумный гомон народных гуляний?
Речка вскипает под вёслами, в сёдлах нарядных
мимо невест проезжают, гарцуя, крестьяне.

В джунглях маиса пестрит разноцветье глициний,
дремлют початки в тенистой своей колыбели.
Ветер-ворчун шелестит в лабиринте зелёном,
бродит, плутая по саду поместья, без цели.

Всё замирает в немом океане заката,
лишь только вечер качает прохладу устало,
два силуэта застыли под сейбой могучей,
в сумерках зорных янтарным любуясь финалом.

Сумрак вечерний густеет за тихой запрудой,
в топях поемных встает камышовую гущей...
Чудится мне в синих дебрях таинственный голос,
в тёмную гладь меня шёпотом томным зовущий.

В пору иную здесь сельва сплеталась глухая,
гулкое эхо вторило испуганным криком,
прежде чем гаучо — первые вольные души —
тропы свои протоптали гуртом полудиким.

Прожил я детство в суровом приморье, где зверем
спит океан, распластав своё гибкое тело,
где по утрам в одеяньях из тины и пены
странных чудовищ выносит прибой оголтелый.

Пришлых людей привечают в том крае любовно,
щедро даря им чреду своих дней монотонных,
неба лоскут, прилепившийся к кронам зелёным,
и океана ворчливого гомон бессонный.